
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ТОПОЛОГИЯ КАК РЕГУЛЯТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ИНДИВИДА

УДК 81'42

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-245-63-71>

Валентина Алексеевна САДИКОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
и лингвистики Московского государственного института
культуры г. Химки, Россия, e-mail: vsadnik46@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношению языкового сознания и языкового бессознательного в процессе освоения человеком смысла общения. Разграничиваются понятия смысл и значение. Доказывается, что языковое сознание приобретается посредством языковой способности, изначально присущей человеку от рождения как способность понимания и освоения окружающего мира. Языковое бессознательное структурируется и реализуется топикой, понимаемой как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла; вводится понятие ментально-языковой топологии. Утверждается, что формирование языкового сознания связано, в первую очередь, не с грамматическими и/или лексическими, а со смысловыми категориями. Исследование языкового сознания, по мнению автора, должно вестись на уровне понимания смысла общения и с учетом наличия в языке не только осознаваемого, но и неосознаваемых явлений и процессов.

Ключевые слова: смысл, целостность и процессуальность, языковое сознание, языковая способность, ментально-языковая топология, коммуникация.

Для цитирования: Садикова В.А. Ментально-языковая топология как регулятор формирования языкового сознания индивида // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 2 (45). С. 63-71. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-245-63-71>

MENTAL-LINGUISTIC TOPOLOGY AS A REGULATOR OF THE FORMATION OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL

Valentina A. Sadikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Linguistics Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia, e-mail: vsadnik46@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the relationship between language consciousness and the linguistic unconscious in the process of realizing the meaning of communication. The narrow and broad notion of meaning is delineated. It is proved

that the language consciousness is acquired through the language ability inherent in a person from birth as the ability to understand and master the world around. The linguistic unconscious is structured and implemented by a topic, understood as a system of structural-meaning models of the generation of communicative sense; introduces the concept of mental-language topology. It is argued that the formation of language consciousness is primarily related not to grammatical and/or lexical, but to semantic categories. It is proved that language proficiency is not the same as speech proficiency, but an understanding of the meaning of communication, not identical to understanding the content of information. Understanding as the most important part of communication, first of all, testifies to the proficiency of the language, and in this sense the language is spoken not only by people, but also by animals. The study of language consciousness, according to the author, should be conducted at the level of understanding of the meaning of communication and taking into account the presence in the language of not only aware, but also unconscious phenomena and processes.

Keywords: meaning, integrity and process, language consciousness, language ability, mental-language topology, communication.

For citation: Sadikova V.A. Mental-linguistic topology as a regulator of the formation of the language consciousness of the individual. Culture and Education: Scientific Informational Journal for Universities of Culture and Arts. 2022. no. 2 (45). pp. 63-71.
<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-245-63-71>

Рассматривая явное и неявное в смыслообразовании [2], вероятно, можно говорить не только о языковом сознании, но и о языковом бессознательном, которые в языке взаимодействуют. Естественно предположить, что «предшествующим» языку является когнитивный процесс, связанный с осознанием, т. е. с приобретением языкового сознания посредством языковой способности.

До языка детьми осваивается субстанциональное «пространство» языка: *имена* вещей и людей, *причины и следствия, обстоятельства* (места, времени, цели), *признаки и качества* вещей, *действия*, связанные с вещами и людьми и т.д. Ребенок еще не знаком с этими понятиями и не может пользоваться ими осознанно, но осваивает их практически, как реалии окружающей его действительности: это *мама*, это *стол* (имена); если упасть, будет больно (причина и следствие); пол *твёрдый*, игрушечный мишка *мягкий* (качества) и т.д. Значительно позже эти «реалии» отложатся в голове взрослого человека в виде обобщенных значений и правил, будут им осознаны. Однако чтобы уловить эту связь, понять, что ребёнок, получая свой первый жизненный опыт, использует бессознательно те же самые категории, надо изучать поведение людей в реальных ситуациях, а не в лабораториях. И тут важно обратить внимание ещё на два момента: 1) жизненный опыт приобретается в процессе коммуникации; 2) и он (опыт) начинается не со значений, а со смысла.

Смысл – это «та конфигурация связей и отношений между множеством компонентов ситуации (ситуации мыследеятельностной и ситуации коммуникативной)» [1, с. 147], которая создается в процессе общения. Полагаем,

что в таком контексте неуместно использовать термин *значение*, который, к сожалению, во многих научных работах отождествляется с термином *смысл*.

Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла [13] позволяет как реализовывать, так и понимать не содержание, а *смысл общения*. Попробуем доказать, что языковое бессознательное – это ментально-языковая топология, структурированная топикой, с которой начинается общение с миром и без которой невозможно ни понимание мира, ни овладение языком как системой знаков и значений.

Первоначально языковое сознание не отделялось от сознания как такого. «Сознание имеет языковую, речевую природу.... Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение – есть единица сознания», – пишет А.Н. Леонтьев в 1936 году [10, с.14]. Однако Г.И. Богин, стремясь к углубленному изучению художественного текста, разграничивает смысл и содержание и справедливо замечает, что «*значения соотносительны* всё с теми же содержаниями, а отнюдь не со *смыслами*» [2, с.147].

Сегодня специалисты пытаются дать *языковому сознанию* конструктивное определение, но единого понимания этого термина, как полагает И. Г. Овчинникова, на сегодняшний день не существует, а сам феномен с трудом поддается определению [11].

Подчеркивая древность самой проблемы, уходящей своими корням в античную философию [16, с. 6], ученые отмечают неопределенность или недостаточность этого терминологического сочетания, которая была замечена ещё в 1988 г. на IX Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике. Тогда И.Н. Горелов указал, что этот термин функционирует в научных текстах в качестве интуитивно найденного обозначения различных «ясно-смутных» представлений об обозначаемых, часто синонимичных «языковому мышлению», и с тех пор практически ничего не изменилось [4, с. 30].

Молодые исследователи, опираясь на работы А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Т.Н. Ушаковой связывают это понятие с языковой нормой и справедливо полагают, что языковое сознание следует рассматривать в соотношении с языковой способностью человека [12, с.174].

Таким образом, если определение языкового сознания дать затруднительно, то его соотнесенность с языковой способностью человека, а также связь с языковой нормой и оценкой, просматривается. Другими словами, языковое сознание *соотносится* с языковой способностью, но *не является* ею. В психологии рассматривается не только *сознание* как состояние «психической жизни индивида», но и бессознательное, и неосознаваемое, и подсознательное. Вероятно, и языковое сознание можно рассматривать в противопоставлении *языковому* бессознательному, и это противопоставление

должно восприниматься диалектически. Другими словами, *сознательное и бессознательное в языке взаимодействуют*, и без этого взаимодействия невозможно адекватно определить природу языкового сознания.

«В современной науке есть целый ряд исследований, опирающихся на представление о некоторой организации высказывания, *предшествующей организации собственно речевой, «лингвистической»*», – писал А.А. Леонтьев еще в 1969 году [8, с. 153]. Естественно предположить, что «предшествующим» является когнитивный процесс, связанный с осознанием, т. е. с *приобретением языкового сознания посредством языковой способности*, которое, в свою очередь, чтобы быть изучаемым, членится на так называемые *концепты*. Однако Дж. Лакофф, один из основателей когнитивизма в лингвистике, говорит о *доконцептуальном уровне*, связывая его с опытом человека и предполагая его (опыта) структурированность, обеспечивающую некими *базовыми структурами*, которые никак не зависят ни от каких концептов [6, с. 348, с. 353].

Ученых занимает проблема не только доконцептуального, но и дословесного [5] и доречевого [3], и то, как это доконцептуально-дословесно-доречевое соотносится с языковым. Эту проблему пытаются «урегулировать» терминологическим словосочетанием «языковое сознание», что, на наш взгляд, невозможно без обращения к проблеме бессознательного в языке, хотя вернее, быть может, говорить не о бессознательном, а о неосознаваемом.

Учеными многократно предпринимались попытки выделить единицу языкового сознания. При этом обнаруживаются два «взаимоисключающих», как полагает А.А. Леонтьев, подхода к соотношению языка и сознания: с одной стороны, языковое сознание отождествляется с системой языковых знаков, с другой стороны, за единицу сознания принимается предметное значение, а язык отождествляется с системой значений. [14, с.16–17]. Однако мы помним, что «значения соотносительны всё с теми же содержаниями, а отнюдь не со смыслами», а проблема *смысла*, т.е. главного в общении, все равно не решается.

Мы полагаем, что топы как единицы, представляющие собой *диалектические структурно-смысловые модели*, не противоречат ни той, ни другой концепции и в то же время согласуются с главным: со смыслом, а значит – с пониманием. Как знаки они потенциальны (виртуальны) и обретают плоть, т.е. предметное значение, только в конкретной ситуации общения, представая в виде конкретного коммуникативного смысла.

Конечно, уметь стоить грамматически правильные предложения очень важно, но не с освоения грамматики начинается языковое сознание и освоение языка. Полагаем, что первичными в этом процессе являются не *грамматические*, а *смысловые* категории (что, понятное дело, далеко не одно и то же), которые во младенчестве проявляются как «околосознательные

состояния», [9, с.13]. Можно, конечно, сосредоточить внимание на том, как неосмыслиенные голосовые проявления у ребенка трансформируются в осмыслиенные, но нам представляется, что понимание начинается не с «осмысливания голоса», а с обобщений, касающихся «закономерностей движения объектов мира и поведения людей» [15, с. 182.]. Нам представляется, что дело не в словах или предложениях, которые появятся позже, а в том, что у ребенка – пусть размыто, диффузно, безотчетно, бессознательно – формируется топологический облик будущего языкового сознания, реализуется его первичная структура, в которой и заключается, на наш взгляд, та самая «языковая способность».

Таким образом, учеными давно подмечен некий доречевой/дословесный/доконцептуальный уровень, который каким-то образом *структурирован*. И тут возникают вопросы: 1) Считать ли этот уровень языковым? 2) Имеет ли этот уровень какое-либо отношение к языковому сознанию или является бессознательным? 3) Если этот уровень структурирован, значит, могут быть выделены элементы (или единицы?) структуры, каковы они?

Л. С. Выготский предпочитает единицы, потому что единица – «такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому». И далее психолог предлагает «заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы» [3, с.13–14]. Но и в практическом постижении, не только в анализе, полагаем, важна эта дальнейшая неразложимость, эта целостность единиц, без которых невозможно охватить целое, т.е. овладеть речью, научиться её продуцировать. Именно так и происходит на практике: ребенок первоначально постигает именно эти целостные единицы. Другими словами, постигается сначала *принцип причинности*, а не «правильные» причины вещей, событий, фактов; постигается *принцип «называния»*, ребенок начинает понимать, что все *как-то называется*, а не как называется и пр. Так изначально постигается *принцип связности (целостности)*, который и осваивается через топы.

Таким образом, резонно предположить, что формирование языкового сознания младенца начинается с формирования самых общих смысловых категорий. Первоначально это происходит не дифференцировано, синкретически (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), но это та общая база, на которой потом совершается осмыслившееся овладение языком. *Осмыслившееся* – значит не только (и не столько) грамматически правильное, сколько функционально и коммуникативно значимое. Правильность осваивается потом – на основе коммуникативного и речевого опыта. Представляется, что неосознаваемые и естественные для ребенка крик, плач и пр. начинают проявляться как желание *общения* (первоначально, конечно же, бессознательно по поводу «внутренних психических состояний», равно как и физических, естественных для младенца). А это значит, что есть общие

для коммуникации механизмы, которые действуют *независимо* от того, вербально или не вербально общается человек. И это врожденные механизмы, которые и составляют «способность», которую одни ученые соотносят с языком, другие – с логикой, третьи полагают свойством человеческой психики.

Мы исходим из того, что коммуникация – естественная среда обитания языка, и с этим необходимо считаться, независимо от того, в каком ракурсе проводится исследование. Общеизвестно: живой язык – это тот язык, на котором общаются. Мы изучаем живой язык, следовательно, изучаем его *в процессе общения*. При этом важно понимать суть процессуальности, безусловно связанной с целостностью. Наиболее наглядно и убедительно об этом говорил П.А. Флоренский: «Всякая часть действительности, даже чисто физическая, имеет свою толщину во времени и никак не может быть обсуждаема в качестве трехмерной. Сказанное безмерно усиливается, если принять во внимание физиологическую, психофизиологическую и психологическую стороны действительности. Тут тем более действительность должна быть признана во всех своих частях и отдельных образованиях четырехмерною» [17, с.192–193]. Именно в таком смысле должна пониматься процессуальная целостность человека общающегося. Так же должна пониматься и коммуникация: как процесс, существующий по другим законам, чем *результат* этого процесса – текст (его содержание), эпифеноменологический, по Богину, изучением которого подменяется порой исследование не только текста, но и процесса общения.

Безусловно соглашаясь с Г.И. Богиным относительно феноменологичности человеческого сознания, хочется рассмотреть и другую сторону сознания/бессознательного, попробовать разобраться в том, что единит нас с остальным миром живых существ. На одной из конференций мне задали замечательный вопрос: а дельфины тоже пользуются топикой? Тогда я не думала об этом. Теперь полагаю, что «пользуются». Более того: чем выше биологическая организация существа, тем более полон перечень используемых им топов и тем многообразнее специфика их использования в процессе общения. Приводить *примеры и свидетельствовать* вряд ли может кто-нибудь, кроме человека, но *причины и следствия*, думаю, понятны и рыбам. Полагаем, зачатки способности к языку как средству общения есть у всего живого. Другое дело, что не у всех эта способность достигла тех высот, что у человека, т.е. не у всех живых существ она развилась в подлинный знаковый язык, реализуемый вербально в процессе общения. Но без общей топологической основы, присущей всему живому, невозможно было бы возникновение и человеческого языка, как без общей биологической основы невозможно было возникновение и самого человека.

Таким образом, следует учитывать именно то обстоятельство, что *между человеком и другими видами живых существ нет пропасти*. Только если признать эту мысль здравой, можно принять и другую: топы как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла функционируют не только при вербальном общении, но и на границе сознательного и бессознательного. Хотя животные не обладают языковым сознанием, они точно обладают опытом, если под ним понимать познание законов, общих для всего живого, которыми регулируется наше поведение. И топика, понимаемая как система структурно-смысловых моделей, оставаясь для животного мира неосознаваемым регулятором поведения, для человека трансформируется в ментально-языковую топологию, тоже на сегодняшний день неосознаваемую, но функционирующую в коммуникативной практике как реализованная языковая способность.

Топы как структурно-смысловые модели есть исходные, глобальные категориальные целостные языковые смыслы или естественный ментальный язык, использование которого приводит к образованию коммуникативных смыслов, которыми уже в речи, в процессе общения, реализуются интенции общающихся. По большому счету, именно их адекватное взаимодействие и есть процесс коммуникации.

Например, не мысля в топологических категориях, феноменолог А. Щюц анализирует очень простенькую ситуацию: «Проектируя вопрос, я предвижу, что «другой» поймет мое действие (например, произнесение вопросительного предложения) как вопрос, и это побудит его действовать так, чтобы я понял его реакцию как адекватную (Я: «Где чернила?» Партинер указывает на стол). «Для-того-чтобы» (мотив моего действия) рассчитан на получение адекватной информации; в данной ситуации предполагается, что понимание моего мотива «для-того-чтобы» станет для «другого» мотивом «потому-что», и он совершил действие, «для-того-чтобы» дать мне эту информацию» [18].

А если рассмотреть эту ситуацию в топологических отношениях? Процесс коммуникации осуществился, потому что топ *обстоятельство цели* для одного общающегося трансформировался в топ *причина действия* для другого. Точно таким же образом осуществляется коммуникация, если попросить свою собаку принести тапочки, и она принесет. Разве можно полагать, что первый (человек) использовал язык, а второй (человек или собака) нет? Второй не использовал речь, но язык как средство общения использовал, если *понял*. Нельзя же считать проявлением/реализацией языка только речь/говорение!

Коммуникативная деятельность даже в этом крохотном простеньком фрагменте общения целостна, а значит должна рассматриваться не только в общем коммуникативном пространстве, но и в единых структурных единицах. И не важно, как именно (посредством каких знаков) мне

ответили. Важно, что мы друг друга поняли и коммуникация состоялась. К сожалению, А. Щюц, хотя и говорит о «наборе повседневных конструктов» и опыте «в форме наличного знания», который «выступает как схема» [Там же], рассматривает их недостаточно глобально, не предполагая существования конструктивной системы. Мы полагаем, что не относительно конкретных ситуаций наш личный опыт становится нашим общим достоянием, позволяющим нам далее познавать мир и общаться, но ментально-языковая топология, посредством которой в нашем сознании формируются и совершаются в практике употребления первоначально не осознаваемые, данные как зачатки нашей способности к общению, модели-топы.

Таким образом, ментально-языковая топология как система структурно-смысловых моделей-топов, как языковое бессознательное (или неосознаваемое как система) обеспечивает языковую способность, посредством которой, в свою очередь, формируется наше языковое сознание в процессе приобретения нами индивидуального жизненного опыта.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. Москва: Смысл, 2002. 480 с.
2. Богин Г. И. Явное и неявное смыслообразование при культурной рецепции текста // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург: «Арго», 1997. С. 146–164.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.
4. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003, № 1. С. 30–34.
5. Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Саратовский государственный университет, 1986. 352 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1. Разум вне машины. Москва: Языки славянской культуры, 2011. 512с.
7. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
8. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 4-е, стереотипное. Москва: КомКнига, 2007. 312 с.
9. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. Москва: Институт языкоznания РАН, 1993. С. 16–21.
10. Леонтьев А. Н. Материалы о сознании // Вестник Московского государственного университета. Серия 14. Психология. 1988, № 3. С. 6–25.
11. Овчинникова И. Г. Что скрывается за термином «языковое сознание» [Электронный ресурс]. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/1/8.pdf>.
12. Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Язык и сознание в психолингвистической парадигме [Электронный ресурс] // Наука и современность.

- Вып. 33, 2014. С. 170–176. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-soznanie-v-psiholingvisticheskoy-paradigme>.
13. Садикова В. А. Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла: монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2017. 164 с.
14. Сергиенко Е. А. Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. Москва, 2008. С. 337–365.
15. Ушакова Т. Н., Белова С. С. Истоки психолингвистического развития младенца первого года жизни // Вопросы психолингвистики 2015, № 26. С. 182–196.
16. Ушакова Т.В. Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. научных трудов под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва–Барнаул, 2004. С. 6–17.
17. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Москва: Прогресс, 1993. 324 с.
18. Щюц А. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 1988, №2. URL: <http://remington.samara.ru/~philosophy/exlibris/shutz.html>.